

Василий Григорьевич Авсеенко

Общественная психология в романе

Василий Григорьевич Авсеенко

Общественная психология в романе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2585675

Аннотация

«В образовании гражданских обществ, как и во всяком историческом процессе, неизбежен известный осадок, в котором скопляются единицы, выделяющиеся из общих форм жизни, так точно как в химическом процессе оседают на стенках сосуда частицы, неспособные к химическому соединению. Объем и злокачественность такого осадка обыкновенно увеличиваются в периоды общего брожения, когда предложенные к решению задачи колеблют общественную массу и нарушают спокойное равновесие, в котором она пребывала многие годы. В такие эпохи, под видимыми, исторически образовавшимися общественными слоями, накапливается особый подпольный слой, обыкновенно враждебно расположенный к устроившемуся над ним общественному организму, и во всяком случае совершенно чуждый историческим формам жизни, подле которой он накопился во мраке, представляя собою патологический нарост на живом теле...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

**Василий Григорьевич
Авсеенко**

**Общественная
психология в романе
«Бесы», роман Федора
Достоевского. В трех
частях. С.-Петербург, 1873**

В образовании гражданских обществ, как и во всяком историческом процессе, неизбежен известный осадок, в котором скопляются единицы, выделяющиеся из общих форм жизни, так точно как в химическом процессе оседают на стенках сосуда частицы, неспособные к химическому соединению. Объем и злокачественность такого осадка обыкновенно увеличиваются в периоды общего брожения, когда предложенные к решению задачи колеблют общественную массу и нарушают спокойное равновесие, в котором она пребывала многие годы. В такие эпохи, под видимыми, исторически образовавшимися общественными слоями, накапливается особый подпольный слой, обыкновенно враждебно расположенный к устроившемуся над ним общественному ор-

ганизму, и во всяком случае совершенно чуждый историческим формам жизни, подле которой он накопился во мраке, представляя собою патологический нарост на живом теле.

Общественное подполье, о котором мы говорим, образуется не из какого-либо определенного и однородного материала. Оно составляется из всех сословий; в нем сходятся люди всякого разбора, зараженные недугом полуобразования. «Полунаука, – говорит автор социального романа, заглавие которого приведено нами впереди этой статьи, – самый страшный бич человечества, хуже мора, голода, войны, неизвестный до нынешнего столетия. Полунаука это деспот, каких еще не приходило никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, пред которым все преклонилось с любовью и с суеверием до сих пор немыслимым, пред которым трепещет даже сама наука и постыдно потекает ему».¹

Полунаука, полуобразованность, есть именно та сила, которая выбрасывает из гармонии жизни отдельные единицы и вместе служит связующим звеном, объединяющим эти единицы в форму общественного подполья. Чтобы раз навсегда ясно определить предмет нашей речи, мы должны сказать, что под общественным подпольем мы разумеем именно *подполье нашей интеллигенции*, наносный слой, созданный у нас пролетариатом полуобразованности и вербующий свой контингент среди осадков образованных классов. Все,

---

¹ Это рассуждение в «Бесах» вложено в уста Шатову в его споре со Ставрогиним (ч. 2, гл. 1).

что потеряло связь с установившимися формами жизни; что враждебно им, что не находит себе места в гармонии исторического порядка, уходит в подполье, пронизывает народный организм злокачественными элементами, неприметно, но деятельно содействующими его разложению. У нас, при известной рыхлости нашего общественного порядка, выделение наносного слоя происходит вне всяких социальных причин, и есть всего чаще – простое искривление мысли, пораженной недугом полуобразования. Наш умственный пролетариат возникает не из того, чтоб обилие интеллигентных сил превышало у нас запрос, предъявляемый на них жизнью, а из внутренней несостоятельности нашего образования. Так точно у нас есть местности, в которых рабочее сословие поражено безысходною нищетою – не потому, чтоб эти местности страдали излишеством рабочих рук, но вследствие собственной несостоятельности рабочего класса, пораженного отсутствием трезвости, экономии и образования.

В этом смысле подполье нашей интеллигенции есть явление вполне патологическое, порожденное беспочвенностью нашей цивилизации от вчерашнего числа и язвою полуобразования. Каждый новый момент нашего развития отзывается глухим брожением и нередко приводит к тем сатурналиям мысли, с которыми нам приходится знакомиться на страницах нашей уголовной летописи и которые с такою художественною глубиною раскрыты и изображены во многих романах г. Достоевского. Самые дикие силлогизмы, самые

уродливые искажения мысли и морали находят себе место в этой больной среде, приводя мало-помалу к окончательному извращению ума и человеческой природы...

Писатель, которого мы назвали и последнему произведению которого предполагаем посвятить эту статью, по свойствам своего оригинального таланта особенно чуток к этим болезням ума, к этим психическим недугам нашего странного времени. Подпольный мир интеллигенции нашел в нем своего сатирика-поэта, соединившего глубину наблюдающей и анализирующей мысли с замечательною силою художественного изображения. Никому из наших беллетристов не близок до такой степени этот уклонившийся от нормальных путей жизни мир нашего общественного подполья, эти больные натуры, которых, по выражению одного из действующих лиц романа «Бесы», «съела идея»² и которые с своим психическим недугом стоят на черте, отделяющей здорового человека от помешанного. Душевная патология этой категории людей изучена г. Достоевским в совершенстве и составляет ему одному принадлежащую область в нашей беллетристике, его литературную собственность. Свойства таланта этого писателя таковы, что нормальная, здоровая жизнь, ежедневная действительность обыкновенно исчезают из сферы его наблюдений, заслоняясь изображениями и анализом ненормальных явлений, в чем он особенно силен. Талант такого рода должен чувствовать себя совершенно в своей об-

---

² Слова Петра Верховенского (ч, 3, гл. 4).

ласти, как скоро он спускается в наше умственное подполье, куда почти не проникает ясный дневной свет, где все предметы представляются при бледном, искусственном, полужангоутистическом освещении. Особенная нервность и лихорадочность, присущая таланту г. Достоевского, как нельзя более гармонирует с искаженностью этой жизни. Свою силу в этой, совершенно особенной, области г. Достоевский обнаружил еще в романе «Преступление и наказание», прочитанном всею Россией и стоящем совершенно уединенно в нашей литературе. Мастерское и полное глубины изображение нравственного недуга, приводящего героя этого романа к бессмысленному преступлению, которое он впоследствии искупает раскаянием и возрождается к новой жизни, обнаружило в авторе особенную чуткость к болезненным явлениям духа, носящимся в воздухе как бы в виде какой-то новой эпидемии и поражающим слабые субъекты недугом тенденциозного полупомешательства.

В новом романе г. Достоевский раздвинул рамки своих наблюдений и от анализа больной человеческой натуры перешел к анализу больного общества, обобщая патологические явления до степени *болезни века*. Идея этого нового романа («Бесы») прозрачно выразилась в знаменательном эпиграфе, взятом автором из Евангелия от Луки:

«Тут же на горе паслось большое стадо свиней, и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней, и броси-

лось стадо с крутизны в озеро, и потонуло. Пастухи, увидя происшедшее, побежали и рассказали в городе и в селениях. И вышли видеть происшедшее, и пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы сидящего у ног Иисусовых, одетого и в здравом уме, и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесновавшийся».

«Это точь-в-точь как наша Россия, — объясняет один из героев романа. — Эти бесы, выходящее из больного и входящие в свиней, — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века. Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже может быть! Это мы, мы и те, и Петруша... *et les autres avec lui*, и я может быть первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и „сядет у ног Иисусовых“... и будут все глядеть с изумлением»...³

Такою аналогией автор, оканчивая свой роман, объясняет идею и внутренний смысл произведения. Идея эта приводит роман в связь с общим направлением нашей современной беллетристики, задавшейся разработкой общественных тем

---

³ Слова Степана Трофимовича Верховенского (ч. 3, гл. 7).

и изучением нашего положения с отрицательной стороны его. Мы уже имели случай указывать в предыдущих статьях что наша так называемая художественная беллетристика, вопреки заверениям петербургской критики, будто бы для нее еще со времен Пушкина «общественные и нравственные интересы стали совершенно безразличны», постоянно обращается к общественным темам и пытается осветить наше современное положение, так что новый художественный роман есть в то же время и роман социальный. Эта заведомо лгущая критика, приветствовавшая как нечто небывалое и новый роман г. Эмиля Золя: «Ругон-Маккары», в котором она нашла (впрочем, по буквальному указанию самого автора) «естественную историю семейства» и якобы еще неведомую форму социального романа, могла бы найти в русской литературе совершенно выработанные образцы этой вовсе не новой формы. Более искреннее и близкое отношение к русской литературе помогло бы петербургской критике усмотреть, что приемы, приписываемые ей молодому французскому романисту, давно уже практикуются нашими талантливыми беллетристами с неменьшим искусством и, смеем думать, с большею глубиной мысли и содержания. Мы уже рассмотрели в предыдущей статье⁴

---

⁴ Статья «Практический нигилизм» в «Русском вестнике» (1873. № 7).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.